

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

ДОН КИХОТ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О мёртвых надо говорить или хорошо, или ничего.

27 августа 2019 исполнилось десять лет, как от нас ушёл выдающийся писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и четырёх Государственных премий, автор трёх гимнов Сергей Владимирович Михалков. Большая часть его жизни была посвящена детям. Он был великим сказочником. Лев Толстой сказал: “Живут лишь те, кто творит добро”. Всю свою долгую жизнь Сергей Михалков творил Добро. Именно об этом качестве его характера наш рассказ.

С творчеством Сергея Михалкова я познакомился, когда готовился поступать в театральное училище. На прослушиваниях существует обязательная триада: абитуриент должен прочитать стихи, прозу и, непременно, басню. Я выбрал басню Михалкова: “Лев и ярлык”. Эта басня насыщена драматургией, в ней есть “персонажи”, которых можно сыграть. И ещё: басня остро-социальная для любого времени, особенно для нынешней России. Ведь не секрет, что сегодня СМИ могут легко дискредитировать любой авторитет, превратить порядочного человека в подонка и преступника. “Лев и ярлык” звучит, как серьёзное предостережение любому человеку, в том числе и высокопоставленному чиновнику. Вспомните главу МВФ Доменика Стросс-Кана, метившего в президенты Франции. На этого чиновника, внешне вполне похожего на льва, по ложному обвинению в изнасиловании навесили такие “ярлыки”, после которых он уже никогда не оправился. Вот эта басня:

*Проснулся Лев и в гневе стал метаться,
Нарушил тишину свирепый, грозный рык —
Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться:
На Львиный хвост он прицепил ярлык.
Написано: “Осёл”, — есть номер с дробью, дата,
И круглая печать, и рядом подпись чья-то...
Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?
Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?! А печать?!
Ещё придётся отвечать!
Решив от ярлыка избавиться законом,
На сборище зверей сердитый лев пришёл.
“Я Лев или не Лев?” — спросил он раздражённо.
“Фактически вы Лев! — Шакал сказал резонно. —*

Но юридически, мы видим, вы Осёл!”
“Какой же я Осёл, когда не ем я сена?!”
Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!”
“Да! — Кенгуру в ответ. — В вас внешне, несомненно,
Есть что-то львиное, а что — не разберу!..”
“Осёл! Что ж ты молчишь?! — Лев прорычал в смятенье.
Похож ли я на тех, кто спать уходит в хлев?!”
Осёл задумался и высказал суждение:
“Ещё ты не Осёл, но ты уже не Лев!..”
Напрасно Лев просил и унижался,
От Волка требовал, Шакалу объяснял...
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.
Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось протяжное: “И-аа!”
Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!

Должен признаться, что удачнее всего на экзаменах “по мастерству” у меня получилась эта басня. Я так с ней сжился, что, оказавшись после окончания Щукинского училища актёром театра на Таганке, выступая на концертах, став лауреатом Всероссийского конкурса чтецов и солистом Московской городской филармонии, я по-прежнему с удовольствием “на бис” исполнял её.

Иногда у меня появлялась мысль прочитать басню самому Михалкову, однако я понимал: автор гимна был для меня недосягаем.

Впрочем, однажды я мельком видел Сергея Владимировича в Щукинском училище. В это время на первом курсе “Щуки” учился его сын Никита.

С Никитой в то студенческое время меня связывали добрые и, как мне кажется, дружеские отношения. Иногда мы “на интерес” тягались с ним на спор: кто сильнее на руку! Как раз тогда в моду вошла канадская борьба — армрестлинг. Никита был повыше, и рука у него была крупнее, но, тем не менее, в этой борьбе и у меня бывали победы. Правда, редкие.

Никита всегда отличался недюжинной силой. Кстати, он был замечательным студентом: общительным, азартным, умным, умеющим дружить и восхищаться другими. К сожалению, на первом курсе у него произошла ссора с ректором училища Борисом Захавой, и вскоре он перешёл учиться во ВГИК. Все студенты и особенно сокурсники жалели, что его “ушли” из “Щуки”. Студенты потеряли возможность общения с яркой личностью, лишились шанса отчётливее запечатлеться в памяти талантливого режиссёра, а училище утратило главное — возможность гордиться выдающимся выпускником.

Через многие годы судьба всё-таки предоставила мне возможность познакомиться и с Сергеем Михалковым. Мне придётся несколько отвлечься, чтобы рассказать, как это произошло.

После ухода из театра “Содружества актёров театра на Таганке”, где я работал режиссёром-постановщиком около пяти лет и где поставил два спектакля — “Полковник Птица” по пьесе болгарского драматурга Христо Бойчева, признавшего из десятков постановок этой пьесы на международных сценах нашу работу лучшей, и спектакль о жизни и творчестве Сергея Есенина — “Исповедь хулигана”. Нельзя не добавить, что в этот период я, ко всему прочему, получил в театре звание Заслуженного артиста России.

Мой “голодомор” в театре как режиссёра продлился больше двух лет, пока меня не пригласили сотрудником в Московскую городскую организацию Союза писателей России.

Переход в писательскую организацию был хоть и вынужденным, но далеко не случайным. Ещё работая у Любимова на старой Таганке, я заочно закончил Литературный институт, параллельно с работой в театре написал несколько книг и пьес, стал членом Союза писателей России. К тому же, примерно в это время по моему роману “Семя отечества” был снят известным режиссёром Юрием Карой четырёхсерийный телесериал “Репортёры”.

Эта новая работа как раз и позволила мне с начала 2007 года в качестве временного секретаря Исполкома Международного сообщества писательских Союзов встречаться с Сергеем Михалковым, тогда бывшим Председателем Исполкома МСПС. Общались мы на всякого рода собраниях и “летучках”. Его участие в таких “посиделках” было всегда интересным и главное – поучительным!

Когда величественный мэтр неспешно появлялся в окружении сопровождающих в своём кабинете, где на стене висела его фотография с президентом Путиным, жизнь в МСПС торжественно замирала. Михалков становился центром внимания, и все взоры, как правило, с известным подобострастием устремлялись на него. Конечно, трагикомичное зрелище было наблюдать, как ещё секунду назад величественная, неприступная надменность, равнодушие и циничное отношение подобостраста превращается в шакалистую угодливость и чрезмерно умильную расположенность. Такое перевоплощение мне как режиссёру было особенно заметно. Недаром сказано: “подобострастие – это змея в поздравительном букете”. К сожалению, писательская среда не исключение, тут, по образному выражению одного поэта, как в воровской ту-совке, знают, кто “вор в законе”. Сергей Владимирович эту “шакалистую угодливость”, конечно, чувствовал, но ему, как мне казалось тогда, было всё равно. Он был в возрасте. Ему было за 90, и борьба за власть и влияние были далеко позади. В конце жизни он ещё раз успел переписать гимн, и теперь взирал на всех добрыми и мудрыми глазами. Это был действительно “Лев”, которому все внимали и заискивающе улыбались.

Малозначительные вопросы, которые возникали по ходу таких встреч, решались бурно, велеречиво, каждый старался не ударить лицом в грязь и запечатлеться в глазах автора гимна и друга президента. Больше всех увлекались Феликс Кузнецов и Владимир Бояринов. Они были соперничающими заместителями Михалкова, и пока не появился Иван Переверзин, казались всем “кронпринцами” и кандидатами в “наследники”. Поэт Владимир Бояринов – по природе своей добрый человек, отличный шахматист, знает иностранные языки, к тому же сердцеед. Нередко на “летучках” Бояринов шутил: “Вы меня не знаете, я всё перетерплю, всех перешибу и даже куда нужно всех моих недругов препровожу”. У Ф. Кузнецова были некоторые преимущества и заслуги. Он был учёным человеком, членом-корреспондентом РАН! Чего стоит только его помощь в нахождении подлинного текста “Тихого Дона” и восстановление в правах авторства оболганного, в том числе и А. Солженицыным, Михаила Шолохова! Но Феликс Феодосиевич был грешен: всё время тихой сапой “подкапывался” под шефа – Михалкова – и мечтал занять его “трон”. Конечно, на таких встречах-собраниях никто в присутствии Михалкова не проявлял явных посягательств, каждый ждал “своего часа”, все старались вести себя послушно и ответственно, как на экзаменах, чтобы, – не приведи, Господи! – не получить плохую оценку. Чуть позже первый “неуд” за давнее “подкапывание” получил Кузнецов. Как гром среди ясного неба, вышел приказ Михалкова назначить вместо Кузнецова первым секретарём Исполкома МСПС Ивана Переверзина. Это событие преобразило Кузнецова. Он упёрся, как танк, начал скандалить, не хотел сдаваться, обращался в разные инстанции и долгое время “не выезжал” из кабинета. В результате, общими усилиями его всё-таки выгнали. В тот момент разгорелась настоящая закулисная война, но против решения Михалкова все приёмы оказались бесполезными. В нужный момент за ним всегда стояла какая-то “неведомая сила”.

Умный и дальновидный Переверзин, недолго думая, оставил ещё одного кандидата на “трон” – Бояринова – одним из “замов”, и Владимир Георгиевич многие годы занимает эту должность. Не смирился только Кузнецов. Его расчётливая, вытщенная из архивов “загогулина” по поводу юридического статуса МСПС в качестве преемника Союза писателей России, на мой взгляд, стала не чем иным, как сведением счётов с когда-то им возглавлявшейся организацией. Поступил он, как Карандышев из “Бесприданницы” А. Островского: “Так не доставайся ж ты никому!” – взял и “выстрелил” в михалковскую организацию, которую с тех пор безжалостно добивают “боями без правил”. К несчастью, эти “бои” имеют своё происхождение и так и не вырванные корни.

Должен признаться, что вся эта борьба за “место под солнцем” была для меня в новинку. Конечно, театральное закулисье славится своими болячками и проблемами, но у писателей, на мой взгляд, более “изысканная” методология,

честно скажу, нередко мне бывало не по себе и даже страшно, особенно когда я уходил из МГО Союза писателей России. “Инженеры человеческих душ” позволяют себе такие приёмы, “ужимки и прыжки”, о которых актёрская среда, по своей большей наивности, не способна даже догадываться. В писательской среде верность чаще всего соперничает с ревностью!

* * *

Из ярких событий вспоминается юбилей Сергея Владимировича, его 95-летие. Мне пришло в голову предложить Андрону Кончаловскому, чтобы он как режиссёр включил в концерт ребят из Центра эстетики и красоты “Катюша” под руководством Земфиры Цахиловой, моей сокурсницы по Щукинскому училищу. Номер ею был придуман очень остроумно: взрослые дяди вынесли чемоданы, и вдруг из этих чемоданов, как горох, высыпали дети и превосходно разыграли произведения Михалкова. Получился отличный концертный номер, все долго скандировали, кричали “браво!”. После завершения празднества и вручения В. Сурковым Сергею Владимировичу ордена Святого Апостола Андрея Первозванного я, улучив момент, подошёл к Михалкову с поздравлениями и с некоторой гордостью спросил: “А как вам номер с чемоданами?” Он не понял. Тогда я громко повторил ему вопрос: “Как дети из чемоданов?” Сергей Владимирович довольно странно посмотрел на меня и ответил: “Да, да, дети... У меня их двое...” И вдруг юбиляр, предполагая, что я у него беру интервью, развернул целую концепцию развития детской литературы, которую он нередко высказывал многим в своих выступлениях: “Правительство детской литературой не занимается, а если кому-то из детских писателей удаётся найти спонсоров, чтобы издать свою книжку, то это, считай, повезло. Главным образом детской литературой сегодня занимается сами издательства, у которых порой не хватает вкуса, потому что начинающему детскому писателю нужна школа, а школа — это критика, а критиковать, давать советы, правильно направлять могут лишь крупные писатели”. Я понял, что он не расслышал мой вопрос, и снова спросил о детях Земфиры Цахиловой. В ответ он торжественно сообщил: “У меня 10 внуков и 8 правнуков”. — “Как же вы с ними общаетесь, есть время на это?” — перевёл я разговор. “С правнуками я не общаюсь, они живут своей жизнью, а я — своей. С внуками я дружу, потому что внуки уже взрослые люди, они меня приглашают на премьеры уже собственных фильмов. Они сами личности, и я доволен, что они занимаются всерьёз такими профессиями, которые сами себе выбрали. Впрочем, я далеко от них держусь! У меня их такое количество, что я управиться с ними не могу!”

В целом получился очень забавный диалог: Сергей Владимирович, не расслышав, решил, что разговор идёт о его собственных детях, а мне удалось узнать его точку зрения на состояние детской литературы и порядка в его семье.

Юмор у него был, конечно, роскошный. Никита Михалков рассказывал на телевидении о юбилее А. Кончаловского. Сергей Владимирович позвонил старшему сыну и говорит: “Андрюша! Ты понимаешь, что тебе сегодня 70 лет, а тебе звонит твой отец и поздравляет с юбилеем?”

Конечно, он знал себе цену, но никогда не подчёркивал это, умел вести себя достойно и аристократично. Недаром на реплику Евтушенко: “Что вы всё: гимн да гимн! Текст мог бы быть и получше!” — ответ Михалкова прозвучал, как легенда, с убийственным сарказмом: “Женя, когда гимн зазвучит — нигуда не денется, встанете и запоёте!”

Что касается басен Михалкова, то знатоки и, кстати, особенно актёры их обожают. Они очень современные, игровые, лицедейские. Думаю, что знаменитый “Фитиль” как сатирический киножанр сродни михалковским басням. Недаром “Фитиль” был так популярен, а звучащая с экрана критика бесстрашно показывала самые острые проблемы современной жизни. Кажется, прошло время, но и сегодня, когда читаешь басни Михалкова или выступая с ними на сцене, всегда просматривается современная тема, острое её разрешение.

Известно, что Сергей Михалков, после стихотворения “Светлана”, напечатанного в главной советской газете “Правда”, — мог рассматриваться коллегами по поэтическому цеху чуть ли не как приспособленец, восприниматься как человек, “выехавший” на банальном подхалимаже к вождю и его дочери.

Что на это ответить? У Михалкова в этом отношении было чуть ли не идеальное “социальное чутьё”. Он, как никто, умел найти темы, творческие ходы

и решения, чтобы привлечь внимание к своим произведениям. Автору этих строк удалось просмотреть десятки обложек и сотни текстов Михалкова, посвящённых детям: как же здорово это написано, с какой неподдельной заботой о подрастающем поколении!

Владимир Фирсов – весёлый и праздничный человек – очень забавно рассказывал коллегами, как при встречах общался с Сергеем Михалковым. Михалков всегда просил молодого тогда ещё поэта Фирсова прочитать что-нибудь из новых стихов. А затем, уже традиционно, требовал: “А теперь то, своё, про “соловьёв” прочитай!” Позже, совершенно неожиданно для Фирсова, именно Михалков выдвинул его на Государственную премию. Для Фирсова, с его слов, получение столь престижной награды явилось абсолютной неожиданностью. А ведь это далеко не единственный случай, когда Михалков помогал людям: с премиями, квартирами, спасал от опалы, требовал объективной оценки того или иного писателя. Михалков относился к своей стране, как Дон Кихот к Дульцинее: он для неё – России, в каком бы она ни была “настроении”, – написал три гимна, которыми гордятся все поколения – от мала до велика! Возможно, это прозвучит преувеличено, и с пафосом, но, на мой взгляд, Сергей Владимирович Михалков последний, а может быть, и единственный Дон Кихот в советской литературе.

Киножурнал “Фитиль” – любимое детище Сергея Михалкова – был практически единственной сатирической отдушиной в СССР. Во всяком случае, отдушиной, которая была доступна миллионам зрителей. Причём это была хлёсткая сатира! И главное, что называется, невзирая на лица. Киножурнал мог “пройтись рашпилем” и по министрам, и по ведомствам, и по крупным чиновникам. В то время мог позволить себе так себя вести только могучий литературный Лев.

Дети Сергея Михалкова довольно рано увлеклись кинематографом. А дети часто становятся своеобразными “зажигалками” для родителей, особенно в творческой семье. Между прочим, Никита Михалков ещё в Щукинском училище принялся осваивать театральную режиссуру. Многие до сих пор помнят его прекрасный спектакль “Двенадцать разгневанных мужчин”, поставленный как курсовая работа. А когда в семье двое мальчишек “больны” кинематографом и успешно утверждаются в этом жанре, немудрено, что и отца накрыла “обратная волна”. Тем более, что старший Михалков как писатель изначально отличался драматургическим видением литературного материала. Именно отсюда истоки его замечательных басен и сатирических пьес, которые широко шли на сценах всей страны. Хороший сценарий – это основной фундамент, без которого трудно сделать хорошее кино. Убеждён, что истоки “кинематографической грани” в творчестве С. Михалкова следует искать именно в “семейной мастерской”, в общении отца с талантливыми сыновьями. Кстати, подобные “семейные мастерские” были очень распространены в старину, в классических дворянских и купеческих династиях, ведь Михалковы – древний русский род, известный ещё со времён царя Михаила Фёдоровича.

* * *

У Михалкова было в избытке то, что я бы назвал “личным жанром”, “личной историей”. В театре бывают жёсткие актёрские амплуа: “герой-любовник”, “трагик”, “комик”. Что бы он ни делал, его творчество окрашивалось ярким личным артистизмом, неповторимым обаянием, детскостью восприятия мира, спонтанностью, горячностью, увлечённостью. Повторяю, у него был неповторимый личный поведенческий стиль. Если бы Сергей Владимирович захотел попробовать себя в актёрском деле, то стал бы, на мой взгляд, замечательным артистом!

* * *

На заседаниях правления МСПС часто приглашали крупных писателей и поэтов – Чингиза Айтматова, Валентина Распутина, Станислава Куняева, Владимира Фирсова, Валерия Ганичева и других. Но входил Михалков – и сразу же становился центром внимания. Весь разговор начинал вертеться вокруг

него. Сергей Владимирович был прирождённым лидером, открытым, добродушным, обаятельным, рассудительным, наполненным яркой жизненной харизмой и к тому же дьявольски артистичным и остроумным человеком. И ещё – в нём жила только ему присущая свобода. У него можно было поучиться редкому свойству – уметь быть значимым, не затрачивая на это никаких усилий.

Однако рисуя картину отношений тех лет, пора вспомнить одно крупное событие, в котором Сергей Владимирович был не только лидером, но и сделал это событие историческим.

Речь идёт о “Конгрессе писателей русского зарубежья”. Для воплощения этого крупного проекта была проведена большая предварительная работа, в которой мне довелось быть одним из организаторов.

После ряда встреч и переговоров московская мэрия выделила на Конгресс большие деньги. Поскольку в это время две организации – МСПС во главе с С. Михалковым и руководство МГО Союза писателей России во главе В. Бояриновым – тесно сотрудничали, то идея Конгресса воодушевила обе организации. К тому времени, по предложению В. Бояринова и М. Замшева, я уже работал Председателем ревизионной комиссии МГО Союза писателей России. Однако в целях более тесного сотрудничества, теперь уже по настоянию Ф. Кузнецова, меня назначили ещё и секретарём МСПС. Таким образом, под кличкой “добытчик”, данной мне Ф. Кузнецовым, мне удалось полноценно участвовать в подготовке этого проекта.

Проект тогда обречён на удачу, когда каждая из сторон осознаёт степень своей выгоды от его успешной реализации. И, судя по всему, власть осознала необходимость участия в судьбе русского слова.

19–21 ноября 2007 года в Москве, в Центральном доме литераторов, начал работать “Конгресс писателей русского Зарубежья”. На это мероприятие прибыли более 150 литераторов из 19 стран мира.

На Конгрессе были предложены для рассмотрения следующие темы: “Русское литературное Зарубежье на современном этапе”, “Тенденции и традиции в творчестве писателей-соотечественников”, “Интеграция творчества писателей-соотечественников в литературный процесс России”. Проводились семинары известных писателей.

Эпиграфом к этому съезду по предложению М. Замшева было принято определение: “РУССКОЕ СЛОВО – СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ВРЕМЁН”

Вот с таким девизом впервые в новейшей истории России начал работать этот Конгресс. Если говорить без пафоса, но ответственно, то в целях этого мероприятия была заложена масштабная сверхзадача: Конгресс готовился с целью реализации идеи сближения и интеграции в литературно-художественный процесс России писателей-соотечественников, а также тех, кто ведёт пропаганду русского слова во всём мире. Списки приглашённых писателей, программа и последовательность выступлений были неоднократно согласованы с Сергеем Михалковым. Он в прямом смысле держал руку на пульсе и был бодр, деловит и настроен очень оптимистично. Особенного его радовало, что писателям в кои-то веки на полных три дня оплачивался транспорт, столование и гостиница.

В числе делегатов Конгресса были крупные писатели-соотечественники, проживающие в России и за рубежом, переводчики русской литературы, филологи-слависты. В работе Конгресса приняли участие такие всемирно известные мастера русского слова, как Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Егор Исаев, Валерий Ганичев и другие. Неожиданно организаторы проекта вспомнили, что я режиссёр, и доверили мне выстроить открытие форума.

Конгресс открылся под музыку второго концерта Рахманинова. Мы уговорили пушкиниста Валентина Непомнящего прочитать стихотворение А. С. Пушкина “Пророк”.

И вот осанисто, опираясь на трость, неторопливо вышел на сцену и занял место в президиуме Сергей Михалков. Это фрагмент его речи:

“Понадобились многие годы и огромные усилия, чтобы мы снова встретились в этом зале, где на протяжении 75 лет общались, дружили, ссорились, обсуждали новые произведения и даже немножко выпивали...”

И тут случилась неприятность: в зале погас свет. Несколько секунд у нас у всех был шок! Однако в ту же минуту, несмотря на отключенный микрофон, в зале громко и отчётливо прозвучали михалковские слова: “Ну вот, опять вмешался Чубайс”. Хохот и аплодисменты скрасили этот технический ляп, которым

в полной мере чуть позже воспользовался Ф. Кузнецов, продолживший после вступительной речи С. Михалкова вести первое заседание. Вот что он сказал:

“ЦДЛ перешёл в частные руки, и стоит ли удивляться, что свет погас? Государство, если только оно заинтересовано в поддержке и развитии русского слова, должно проводить и соответствующую политику. Не всё пускать по рыночному ветру”. Эти горькие и справедливые слова участники Конгресса встретили аплодисментами. У всех присутствующих невольно возник образ родного писательского дома, и каждый думал примерно так: “Этому гостеприимному дому посвящались стихи и книги, здесь “хорошие и разные писатели”, имена которых стали гордостью русской культуры, переживали трагические и смешные моменты, здесь всегда кипела жизнь. И вот, оказывается, он писателям уже не принадлежит”.

Конгресс вселил большие надежды. Всем тогда казалось, что пришло время “собрать камни”. Тем более, что мои старания увенчались успехом и посланный для согласования предварительный текст приветствия президента под горячие аплодисменты был озвучен в первые минуты открытия нашего форума. В телеграмме президента, в частности, говорилось:

“... Здесь, в столице России, собрались представители разных стран, выдающиеся писатели современности, видные учёные-филологи, слависты. Те, для кого русский язык – язык творческого самовыражения, интеллектуального и дружеского общения. Кто хорошо понимает и высоко ценит значение русского слова, которое на протяжении многих веков ярко, мощно и удивительно красиво “звучит” в мировой литературе. Участникам и гостям вашего Конгресса, проходящего в Год русского языка, предстоит обсудить насущные вопросы сохранения этого поистине бесценного культурного наследия, повышения роли языка как универсального инструмента международного сотрудничества. Убеждён, предстоящие встречи, дискуссии будут способствовать укреплению взаимопонимания и доверия, внесут весомый вклад в создание единого литературно-художественного пространства русской словесности. Президент России Владимир Путин”.

Вы спросите, почему автор этих строк так подробно останавливается на этом Конгрессе? Дело в том, что он по тем временам был громадным литературным событием. Михалков, будучи во главе этого форума, проявил себя не только как опытный руководитель и сильная личность, но Сергей Владимирович сумел предложить приехавшим на форум писателям **новую повестку дня**, поверить в значение Слова как мощного духовного оружия, призвать всех к единению и служению литературе. Каждый выступающий, видя в президиуме легендарную личность, этого, без преувеличения, великого старца, старался своим словом качественно преумножить содержательную часть этого форума.

В свою очередь, Сергей Владимирович короткими репликами поощрял ораторов, то давал искромётные оценки, то интригуяще и лукаво перешёптывался с соседями, то есть полнокровно и чрезвычайно заинтересованно следил за всем ходом Конгресса. В зале Дома литераторов в эти дни действительно царил подлинное вдохновение. Ораторы один за другим выходили к трибуне и говорили о русском языке, о писательской миссии с такой искренностью и страстью, что нынешнему времени, к сожалению, не свойственно. Вот почему хочется привести хотя бы короткие фрагменты из текстов выступающих, записанных в ходе Конгресса.

Первый секретарь исполкома МСПС, член-корреспондент РАН Феликс Кузнецов: “В дни, предшествовавшие Конгрессу, на телеэкранах Европы триумфально демонстрировался телевизионный сериал по роману Л. Н. Толстого “Война и мир”, заставляя людей смотреть не футбол, а экранизацию великого русского романа. Это событие подтверждает, что **русская литература – главный вклад русского народа в мировую цивилизацию**.”

Современник Пушкина и Гоголя, издатель журнала “Московский телеграф” Николай Полевой называл русскую литературу **“невещественным капиталом нации”**. А Герцен говорил, что литература в России – это “вторая власть”.

И действительно, такой власти над умами и душами людей, какой обладала русская литература в XIX, да и в XX веке, **не имела никакая другая литература в мире**. Истоки этого могущества – не только в высочайшем даре слова её крупнейших художников, но и в том, что русская литература поднимала и ставила на общественное обсуждение самые трудные и самые важные для людей духовно-нравственные и социальные вопросы. И прежде всего – вопрос о Боге в душе, о смысле жизни и совести.

В чём сила русской литературы? Сила её заключается в том именно, что **она всегда была обращена к совести, к Богу, к душе**. Двадцать первый век оборачивается вызовом. Истоки этого вызова — те процессы глобализации, которые в американском варианте идут по миру. В России в девяностые годы эти процессы особенно больно ударили по русской культуре в тот момент, когда она была брошена в бандитский капитализм, в дикий рынок. Культура и литература были полностью отделены от государства. Это и послужило причиной тех искажений, которые сегодня очевидны для всех думающих, честных людей. Необходима смена стратегии во взаимоотношениях между государством и культурой.

Суть новой стратегии заключается в том, что государство должно **осознать себя не сторонним наблюдателем, не благодетелем даже, а инвестором**, внутренне и глубоко во всех формах и видах озабоченным судьбой культуры и судьбой русского слова. Знаком понимания необходимости выработки новой стратегии явилось решение президента России объявить 2007 год Годом русского языка, 2008 год предложено объявить Годом литературы”.

Далеко вглядываясь в будущее, министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов отметил грядущий разрыв поколений, разглядел надвигающиеся проблемы во многих жанрах искусства и особенно в кинематографе: “Девяностые годы — это были годы разрыва. Они явились следствием тех политических процессов, которые мы сегодня осмысливаем. И поэтому пророчество Дмитрия Сергеевича Лихачёва именно сегодня звучит для нас особо. Он сказал: “В России нацией стала литература”. Русский язык — это не просто язык, на котором в мире говорит 250 млн человек, а 164 млн из них считают его родным. Русский язык — это сокровище мировой, а не только русской культуры. Русский язык — это, прежде всего, та среда духовного обитания, которая, к сожалению, становится **неведомой молодому поколению**. Вот этот страшный разрыв поколений, наверное, сейчас и есть самая главная сфера ответственности писательской среды. Сегодня мы ещё только ищем пути, по которым идти надо, но совершенно ясно, в каком направлении идти нельзя. **Мы живём в условиях догматов рыночной экономики**. Никогда рынок не наполнит хорошей настоящей здоровой литературой полки общедоступных библиотек. Никогда рынок не откроет путь на кино- и телеэкран настоящим, высокохудожественным, но не коммерческим произведениям искусства. Это должно делать государство”.

* * *

Совсем недавно ушёл из жизни многолетний руководитель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. Человек, много сделавший для становления писательской организации в самое сложное время раздора и беспредела, царившего в стране и в писательской среде.

Вот его проникновенное слово: “Уважаемые коллеги, разрешите огласить приветствие человека, известного и у нас в стране, и за её пределами. Об этом свидетельствует недавнее выступление Святейшего Патриарха в Страсбурге на Европейском экономическом сообществе, когда он без ложной толерантности назвал грех — грехом, беду — бедой. И Европа слушала, затаив дыхание. Мне доставляет удовольствие зачитать его приветствие, потому что Союз писателей России является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, главой которого является Патриарх, а Председатель Союза писателей РФ — его заместитель:

“Дорогие братья и сестры, уважаемые соотечественники!

Сердечно приветствую всех организаторов, участников и гостей Международного Конгресса писателей русского зарубежья “Русское слово — связующая нить времён”.

Несомненно, всяческого одобрения и поддержки заслуживает стремление писателей развивать и укреплять добрые отношения и творческие связи между соотечественниками, живущими в разных странах, на разных континентах нашей планеты.

Надеюсь, что эта важная встреча русских писателей будет иметь историческое значение, поможет лучше понять друг друга и осмыслить цели и задачи,

стоящие сегодня перед литературным сообществом, а также послужит укреплению мира и согласия между людьми.

Желаю всем вам, дорогие братья и сестры, помощи Божией в ваших творческих дерзаниях, а настоящему Конгрессу – конструктивных дискуссий и плодотворной работы. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II”.

Далее В. Ганичев продолжил разговор о русском языке. Вчитываясь в его выступление сегодня и вспоминая, что сейчас происходит на Украине, видишь, как крупный русский писатель предчувствовал наступающее время:

“Сегодня, в начале XXI века **только невежество и низкопоклонство требует заменять русские слова английскими во всех случаях**. Я вношу предложение от имени секретариата Союза писателей обратиться к президенту Путину с предложением принять закон, который объявлял бы русский язык национальной святыней нашего народа. Необходимо придать ему такой статус и на законодательном уровне обеспечить соответствующие этому статусу уважение и защиту”. Голос Ганичева дошёл до слуха властей, и 2007 год был объявлен президентом Российской Федерации Годом русского языка...

Хочется отметить, что сам факт проведения Конгресса явился тогда огромным прорывом. Он свидетельствовал о том, что жива русская литература, что в ней есть талантливые писатели и что они могут устроить такой праздник, о котором не стыдно вспоминать.

Сразу после Конгресса невыразимо быстро оживилась жизнь наших писателей за границей. До этого большинство из них, оставшихся там после распада Советского Союза, не имели в стране проживания никакого веса. Да и интереса читателей практически никакого не было, ведь они на Родине не издавали книги и не печатались в литературных журналах. Если в Чехии и в Германии были свои русскоязычные журналы и литераторы общались в своей узкой компании, то, например, в Австрии и ряде других европейских стран ничего не было. А вот после нашего Конгресса за рубежом, как грибы после дождя, проросли всевозможные творческие союзы русскоязычных писателей, появились литературные журналы.

Наш Конгресс дал сильнейший толчок для объединения русскоязычных писателей за границей. И автор “Дяди Степы” был одним из главных инициаторов этого объединения. Его послания, дружеские приветствия долетали в разные страны, где начала возрождаться жизнь литературных сообществ и редакций. Надо отметить, что после Конгресса появилась обширная и хорошая пресса, по центральному телевидению была показана торжественная церемония открытия, впервые за многие годы к писателям так широко было проявлено внимание СМИ.

Заканчивая эти заметки, хочется вспомнить некоторые особенности характера Сергея Владимировича.

Искромётный юмор Михалкова отмечали многие. Помню, после какого-то совещания мы спускаемся по лестнице, идём к выходу... А там, в фойе МСПС, у самого выхода стояла копия классической античной статуи: фигура обнажённой женщины, чуть-чуть прикрытая туникой и запечатлённая в каком-то девственном, созерцательном состоянии. Михалков, проходя мимо и метнув лукавый взгляд на статую, громко объявил: “А вот это наша отечественная детская литература!” Все от души рассмеялись.

А вот следующая тема стала большой для писателей всех поколений. Дело в том, что Центральный дом литераторов всегда принадлежал Союзу писателей СССР. Здание это – историческое, со своей богатой биографией! Но в один прекрасный момент как-то кулуарно, без всякого афиширования, произошло его акционирование, и этот дом для всех стал вдруг частной собственностью некой группки людей. Помню, зашёл разговор: мол, хорошо бы по горячим следам только что проведенного Конгресса писателей попытаться оспорить это “акционирование”. Надо действовать, пока, мол, не “замылили” за давностью лет. Тогда Сергей Михалков предложил: “Давайте, напишите письмо на имя Лужкова, чтобы я мог снова поднять этот вопрос”. В этом письме всё было изложено кратко, ёмко, а главное – логика необходимости возвращения писательской собственности являлась неоспоримой, весомой и юридически безукоризненной. Показав предварительно письмо первому заму Ф. Кузнецову и получив одобрение, в удобный момент письмо попало на подпись Сергею Владимировичу. Михалков внимательно прочитал документ, сказал, что письмо ему нравится. Мол, будет этим заниматься. Но сразу предупредил:

“Только учтите: у меня с Лужковым отношения, прямо скажем, неважные. Как-то не сложились”. И добавил: “Попробовать, конечно, стоит. Но результат, сразу предупрежу, будет с вероятностью пятьдесят на пятьдесят!”

Прошло какое-то время, и мы справились о результатах. “Есть ли решение по письму?” Получаем ответ: “Сейчас Лужкову пишут автобиографическую книгу. И ключевой автор там – Генрих Боровик. А он входит в состав акционеров и руководства приватизированного Дома литераторов. Увы, их позиции сильнее моих”. Это к разговору о том, что якобы все чиновники побаивались и благоволили к Михалкову. Увы, это далеко не так! Среди власть имущих далеко не все хорошо относились к автору гимна. Но несмотря на изначально неравную ситуацию, когда шансы на успех были невелики, “Лев” всё-таки “замахнулся лапой”, отстаивая справедливость. Увы, банальная алчность оказалась сильнее – Дом литераторов “успешно” был отнят и вычеркнут из писательской собственности. Но верится, что не навсегда, – время покажет!

Всплывает в память ещё один конфликт: между Сергеем Михалковым и Феликсом Кузнецовым началась нешуточная вражда, в которую втягивались по разные стороны многие писатели. Помню, провожая Михалкова после совещания, мы с Бояриновым усаживали Сергея Владимировича в машину. И тут при мне Михалков говорит: “А ведь старина Феликс, – последовало ненормативное определение, – эту свою катавасию проиграет!” И тут же, повернувшись к Бояринову, дружески, тыча его пальцем в лоб, добавил: “А ты оказался умницей в этой ситуации. Молодец, Володя!” Его оценки и обращения всегда были приятельскими, без пафоса и официоза, такие, я бы сказал, “пацанские”.

Михалков всегда был внутренне моложе, чем он выглядел. Хоть и ходил в это время с палочкой, но изнутри буквально светился! Общаешься с ним – ну, больше шестого десятка лет ни за что не дашь! Было в нём что-то игривое, даже озорное.

Для многих людей жизнь – это испытание, преодоление, иногда непосильная тягота, а в нём бурлила влюблённость в жизнь. Его детскость, чувство радости бытия не только удлинляли ему жизнь, но, на мой взгляд, для многих являлись зримым примером долгожительства. Благодаря веселью и озорству, он побеждал все неприятности, всякие недостатки, всякую “хмурь”; он хотел жить долго и полнокровно, он любил жизнь и, кажется, как мало кто понимал её смысл.

После завершения первого Всемирного Конгресса писателей мы собрались в большом зале МСПС, чтобы подвести итоги. Все делились впечатлениями, поздравляли друг друга. Михалков отметил каждого поимённо, назвал тех, кто привнёс в общее дело свой вклад. В конце заседания возникла пауза. Я оказался смелее других и задал ему вопрос: “Сергей Владимирович, вами прожита большая жизнь. Что было самым важным в этой жизни, что вы запомнили?” И он вдруг отвечает: “Встреча со Сталиным!” Мгновенно все присутствующие замолкли и уставились на Михалкова. “Где и когда это произошло?” – спросил я. Он недолго помолчал и начал, чуть заикаясь, рассказывать: “Мы были на фронте, и вдруг нам через штаб Рокоссовского поступило сообщение: мол, вызывают срочно в Москву Михалкова и Эль-Регистана. Ну, мы прилетели, пришли к Сталину в кабинет. А вызвал он нас по вопросу нового гимна, по уточнению текста. Мы с Регистаном участвовали в конкурсе и стали победителями. Товарищ Сталин, оказывается, посмотрел нашу версию и внёс в неё свою правку. Он объяснил нам, что он в нашем тексте исправил. Объяснял он деликатно, умно, с пониманием поэзии, со знанием дела. Мы долго сидели, и в основном он говорил не со мной, а с Эль-Регистаном. Я был рядом и молчал. И вдруг он спрашивает меня: “Товарищ Михалков, а почему вы всё время молчите?” Я перепугался, но всё-таки ответил: “Товарищ Сталин, дело в том, что я з-заикаюсь, поэтому и молчу”. – “А вы не заикайтесь, товарищ Михалков!” И вы знаете, товарищи, я после этого две недели не заикался!”

Помню, когда Михалков это рассказал, то все сначала словно оглохли, потом засмеялись. Для меня это было промыслительное признание. Я тот разговор и оценку Михалковым Сталина запомнил на всю жизнь. Оказывается, такая встреча может быть самым важным событием в жизни большого писателя.

Заканчивая эти воспоминания, хочу заметить: Сергею Михалкову суждено было творить в Великую эпоху, и он до конца жизни не изменил ей, не предал своих убеждений! Его строка из гимна – “Хранимая Богом родная страна” – для него была священным понятием. Вот почему он навсегда останется в памяти потомков, как Дон Кихот советской литературы.